

УПОТРЕБЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ КАК ЧЕРТА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
Л.Н. ТОЛСТОГО: ИЗ ОПЫТА АНАЛИЗА РЕЧИ
АВТОРА И ПЕРСОНАЖЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ*

The Use of Phraseological Units as an Attribute of L.N. Tolstoy's
Language Personality (Based on the Analysis Experience of the Speech
from the Author and Characters of Works of Fiction)**

Ольга Валентиновна Ломакина
rusoturisto07@mail.ru

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)*

Olga V. Lomakina
rusoturisto07@mail.ru

St.Tikhon's Orthodox University, RUDN University (Moscow, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 30.09.2017

Fecha de evaluación: 10.12.2018

Cuadernos de Rusística Española nº 14 (2018), 39 - 47

РЕЗЮМЕ

Анализ авторской речи и речи персонажей в художественных произведениях Л.Н. Толстого показал, что фразеологические средства языка являются неотъемлемой чертой идиостиля писателя вне зависимости от формы речетворческих актов. В статье показана роль фразеологических единиц в создании образа автора и речи персонажей. Рассмотрены примеры функционирования фразеологических единиц в авторской речи для представления пространственной и временной характеристики. Проанализированы случаи употребления фразеологических средств в качестве несобственно-прямой речи, когда излагается информация о герое устами автора. Особое внимание уделено роли фразеологических единиц в речи персонажей: например, в уста героя романа «Война и мир» Платона Каратаева писатель вложил более 20 пословиц, характеризующих разные ситуации и отношение к действительности. Также показаны примеры использования фразеоресурсов как средства самохарактеристики в различных родах литературы: драме («Власть тьмы»), эпическом произведении («Война и мир»), а также контексты употребления фразеологизмов в качестве взаимохарактеристики.

Ключевые слова: идиостиль, языковая личность, художественный текст, язык Л.Н. Толстого, фразеологическая единица, пословица

* Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН “5-100”

The publication has been prepared with the support of the “RUDN University Program 5-100”

ABSTRACT

The analysis of author's speech and character's speech in fiction texts by L.N. Tolstoy showed that the phraseological means of the language are an integral part of a writer's individual style, regardless of the form of the speech creation acts. The article concerns the role of phraseological units in creating the image of the author as well as speech of the characters. The examples of phraseological units functioning of in the author's speech to represent the spatial and temporal characteristics are examined. The examples of using the phraseological units in reported speech are analyzed when the information about a character is given through the author's speech. Special attention is being paid to the role of phraseologisms in character's speech, for example the speech of Platon Karatayev uses 20 proverbs characterizing various situations and attitude to them. The use of phraseologisms in different genres (drama "The Power of Darkness"), epic novel ("War and Peace") as a means of self characteristics is examined. Besides the contexts of using phraseologisms for protagonists featuring each other are shown.

Keywords: individual style, language personality, fiction text, L.N. Tolstoy's language, phraseological unit, proverb

ВВЕДЕНИЕ

Язык писателя – один из авторитетных источников при изучении литературного языка определённого периода. Описание различных языковых единиц, в том числе фразеологических ресурсов языка, служащих воплощению авторского замысла, помогает полнее охарактеризовать языковую личность художника слова. Комплексный анализ фразеологической составляющей текстов: выявление особенностей употребления фразеологических единиц (ФЕ) в текстах различных стилей и жанров, описание характера трансформаций, авторских предпочтений в выборе ФЕ – позволяет определить место ФЕ в идиостиле писателя, сделать вывод о фразеологической системе писателя.

Одной из черт идиостиля Л.Н. Толстого является активное использование фразеологии в качестве сильной позиции текста, в роли тезаурусообразующих единиц (Ломакина 2016). Язык Л.Н. Толстого иллюстрирует функциональный потенциал фразеологии: фонд «ФЕ, представленных как в трансформированном виде, так и в неизменном составе, выполняющих разные функции, свидетельствует о важной роли фразеоресурсов русского и иностранных языков в индивидуальном стиле Л.Н. Толстого», что позволяет «говорить о фразеологии как неотъемлемой черте языковой личности писателя» (Ломакина 2016: 30).

Анализ фразеологического состава художественных текстов Л.Н. Толстого, включающий рассмотрение авторской речи, речи персонажей и несобственно-прямой речи, позволит представить связь между функционально-стилистической принадлежностью текста и выбором фразеологических средств языка, охарактеризовать особенности функционирования ФЕ в рассматриваемых текстах.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основу исследования положена авторская картотека, насчитывающая около 3000 единиц (более 12 000 фразеопотреблений), извлечённых приёмом сплошной выборки языкового материала из «Полного собрания сочинений» Л.Н. Толстого.

Основным методом проведённого исследования является описательно-аналитический метод, предусматривающий непосредственное наблюдение анализируемых

явлений в конкретных речевых условиях, систематизацию и обобщение фразеосредств, определяющих идиостиль писателя.

При выработке исследовательской концепции использованы идеи антропоцентризма, лежащие в основе лингвистической персонологии (термин В.П. Нерознака). Выделение В.В. Виноградовым образа автора как неотъемлемой категории художественного текста создало предпосылки рассмотрения языковой личности (ЯЛ), под которой мы вслед за Ю.Н. Карауловым будем понимать «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений, различающихся степенью структурно-языковой сложности, точностью и глубиной отражения действительности, определенной целенаправленностью» [Караулов 2010: 245]. Представители лингвоперсонологии (Ю.Д. Апресян, М.М. Бахтин, Г.И. Богин, В.И. Карасик, И.С. Карабулатова, Ю.Н. Караулов, Ю.С. Степанов, С.А. Шилина и др.) обращаются к изучению и дальнейшему описанию ЯЛ: при создании типологии ЯЛ принимают за основу различные доминирующие признаки (национальность, пол, профессия и под.). Идея Ю.Н. Караулова об изучении ЯЛ автора и персонажа художественного произведения нашла свое отражение в ряде лингвистических исследований последнего десятилетия (Г.Г. Хисамова, Л.Н. Чурилина).

Вопросам анализа художественного текста посвящены исследования С.Б. Аюповой, Г.Т. Безкоровайной, Н.С. Болотновой, И.Р. Гальперина, В.З. Демьянкова, Н.А. Николиной и др. Уровень интерпретации неразрывно связан с уровнем сложности текста и с установками читателя. На своеобразии художественного произведения влияют средства выражения авторской позиции и идиостиль писателя. В статье термины *текст художественного произведения* и *художественный текст* мы используем в качестве синонимов.

В любом художественном произведении центральное место занимает конфликт, который задан персонажами. Посредством персонажа писатель выражает своё понимание жизни, представляет систему ценностей. Человек как венец мироздания является вершиной системы координат – созданного художником текста. Несомненно, наряду с описанием внешности, жестов и мимики, линии поведения, важным элементом в характеристике персонажа является его речевое поведение.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ художественного текста должен учитывать гетерогенность его структуры, т.е. рассмотрение авторской речи, речи персонажей (как диалогической, так и внутренней), несобственно-прямой речи. В произведении художественной литературы происходит столкновение двух языковых личностей, двух картин мира, индивидуальной картины мира писателя и художественной картины мира, поэтому выбор тех или иных языковых средств характеризует языковую личность писателя и помогает в характеристике героя.

Речь автора. При характеристике авторской речи в прозаических произведениях необходимо отличать речь автора и рассказчика (это т.н. перепорученная речь), между которыми сложно провести чёткую грань. Примером перепорученной речи является описание совета в Филях с позиций деревенского ребёнка в романе «Война и мир».

Авторскую речь отличает оценка и модальность. Так, при рассказе об отношениях союзников и Наполеона Л.Н. Толстой употребляет экспрессивную ФЕ *лить слёзы*, галлицизм *старая гвардия*; фразеологически насыщенный контекст создаёт градацию: *Союзники победили Наполеона, вступили в Париж, заставили Наполеона отречься от престола и послали его на остров Эльбу, не лишая его сана императора и оказывая ему всякое уважение, несмотря на то, что пять лет тому назад, и год после этого, все его считали разбойником вне закона. А царствовать стал Людовик XVIII, над которым до тех пор и французы, и союзники только смеялись. Наполеон же, проливая слезы перед старою гвардией, отрекся от престола и поехал в изгнание* («Война и мир», эпилог, ч. 2, гл. I).

Герой существует в двух плоскостях – пространственной и временной, т.е. персонажу сообразен его хронотоп. Например, писатель использует временной ориентир *Страстная пятница*, когда характеризует состояние Нехлюдова, который в дождливую погоду промок *до нитки*: *Приехал он в конце марта, в Страстную пятницу, по самой распутице, под проливным дождем, так что приехал до нитки промокший и озябший, но бодрый и возбужденный, каким он всегда чувствовал себя в это время* («Воскресение», ч. 1, гл. XIV).

В следующем примере ФЕ *Петровский пост* также употребляется для обозначения времени: *В конце Петровского поста Аграфена Ивановна Белова, отраденская соседка Ростовых, приехала в Москву поклониться московским угодникам* («Война и мир», т. III, ч. 1, гл. XVII).

Несобственно-прямая речь. Несобственно-прямая речь занимает промежуточное положение между речью автора и персонажа: излагается информация о герое, однако это происходит в присутствии автора. Благодаря авторской характеристике читатель получает дополнительную информацию о герое. Приведём примеры, характеризующие состояние Нехлюдова: – *Есть, – сказал добродушный купец, улыбаясь во весь рот* («Воскресение», ч. 1, гл. VII); *Обойдя ее, он аккуратно, с края, давая место другим, сел на нее и, впервые глаза в председателя, точно шепча что-то, стал шевелить мускулами в щеках* («Воскресение», ч. 1, гл. VII).

В следующих примерах передано внутреннее состояние главного героя романа, его поведение: *«Неужели узнала?» – с ужасом подумал Нехлюдов, чувствуя, как кровь прилиwała ему к лицу; но Маслова, не выделяя его от других, тотчас же отвернулась и опять с испуганным выражением уставилась на товарища прокурора* («Воскресение», ч. 1, гл. XI); *Нехлюдов между тем, надев рinсе-нез, глядел на подсудимых по мере того, как их допрашивали. – «Да не может быть, – думал он, не спуская глаз с лица подсудимой, – но как же Любовь?» – думал он, услышав ее ответ* («Воскресение», ч. 1, гл. IX).

Представленный ниже пример включает характеристику героя: *Адъютант-распорядитель, мастер своего дела, уверенно, неторопливо и мерно, крепко обняв свою даму, пустился с ней сначала глissадом, по краю круга, на углу залы подхватил ее левую руку, повернул ее, и из-за всё убыстряющихся звуков музыки слышны были только мерные щелчки шпор быстрых и ловких ног адъютанта, и через каждые три такта на повороте как бы вспыхивало развеваясь бархатное платье его дамы* («Война и мир», т. II, ч. 3, гл. XVI).

Особый интерес вызывают коннотативно окрашенные ФЕ: *Княжна Марья была всё та же робкая, некрасивая, стареющая девушка, в страхе и вечных нравственных страданиях, без пользы и радости проживающая лучшие годы своей жизни* («Война и мир», т. III, ч. 1, гл. VIII); *С женою-то его рядом поставьте: то-то шут гороховый* («Война и мир», т. II, ч. 3, гл. XV).

Приведённые примеры показывают, что основная функция несобственно-прямой речи заключается в том, чтобы показать ситуацию изнутри, от имени лица, её ощущающего, и с точки зрения автора-повествователя.

Речь персонажей. Л.Н. Толстой создал галерею образов, различающихся по происхождению, возрасту, гендерной характеристике. Каждый персонаж, созданный Л.Н. Толстым, ярок и самобытен. Писатель достигает этого путем создания портретной характеристики и при помощи речевого портрета. В романах писатель использует такой художественный прием, как повторение, «обыгрывание» характерной внешней детали (уши Каренина, лучистые глаза княжны Марьи, шрам Кутузова, перепрыгивающие щеки князя Василия и под.). Речевой же портрет персонажа толстовских произведений формируется посредством звуковой имитации, повтора слов, употребления экспрессивной лексики, фразеологических ресурсов, синтаксических особенностей.

Писателя можно назвать мастером создания речевой характеристики. Характерной речевой деталью писатель наделяет многих героев. Так, Денисов («Война и мир») картавит, заменяя звук *p* звуком *z*, Аким («Власть тьмы») косноязычен, когда не может найти нужного слова постоянно повторяет *тае*, Митрича из драмы «Власть тьмы» часто произносит поговорку-пожелание *В рот им ситного пирога с горохом*, дядюшка («Война и мир») – экспрессивное выражения *чистое дело марш*, 1-ый мужик («Плоды просвещения») – суждение *Земля наша малая, не то, что скотину, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда*, а языковой чертой Платона Каратаева («Война и мир») являются паремии.

Паремии в речи Платона Каратаева. В системе образов романа-эпопеи «Война и мир» Платон Каратаев занимает особое место. Каратаев – выразитель народной философии, однако он предстаёт перед читателем как яркая ЯЛ. Символичен выбор имени: подобно известному древнегреческому мыслителю, проповедовавшему идеи духовной сущности, Платон Каратаев живёт народными идеями, отражающимися в паремиях. Для него не важны внешние проявления действительности, т.к. человек ценен своим духовным содержанием. Философия Платона Каратаева вторит мировоззренческим идеям Платона о существовании истинных ценностей вне пространства и времени. Этим и объясняется определённая «круглость» героя, завершенность, целостность его мировоззрения. Во многом его характер раскрывается через прямую речь. Языковую личность Платона Каратаева отличает любовь к фольклору: в уста писатель включает около 20 паремий, раскрывающих суть авторских идей об идеальном мироустройстве. Выбор конкретной языковой единицы служит для оценки определенных фактов, отношений и ситуаций, отражает черты индивидуальной картины мира, характеризует языковую личность говорящего, т.е. имеет не только прагматическое, но и когнитивное значение. Поскольку перед нами герой литературного произведения, то свернутая информация, содержащаяся в паремиях, позволяет судить о характере персонажа: любви к Родине (*России да лету союзу*

нету; Москва, она городам мать), вере в Бога (Не нашим умом, а божьим судом), трудолюбию (Потная рука торовата, сухая неподатлива), семейных ценностях (Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матушки, Какой палец ни укуси, все больно). В уста Платона Каратаева Толстой вкладывает паремии, имеющие обобщенное значение, носящие характер жизненных постулатов и проповедующие истинные ценности. Создавая образ героя из народа, писатель использует элементы народного языка, частью которого являются пословицы. Примечательно, что пословицы, произносимые Платоном Каратаевым, ни разу не повторяются, это свидетельствует о богатстве языка и внутреннем мире персонажа: непримечательный внешне, он становится выразителем авторских идей, заключающихся в осознании жизни как основной ценности бытия.

В отличие от Платона Каратаева, в уста других, не менее ярких, колоритных героев писатель включает слова и выражения, служащие средством самохарактеристики. «Вне зависимости от смыслового содержания реплики она многоаспектно характеризует говорящего, выявляя его образованность, общую культуру, социальный статус, профессиональную принадлежность и пр.» (Кухаренко 1988: 150). Наряду с лексическими средствами, в произведениях Л.Н. Толстого средствами самохарактеристики являются фразеологические средства языка.

Самохарактеристики в драме «Власть тьмы». В драме «Власть тьмы» с помощью ФЕ и паремий писатель показывает систему нравственных ценностей героев, раскрывает их индивидуальные особенности. Анисья, по выражению Матрены, «баба грубая, характерная», говорит о себе:

Анисья. Ох, кумушка милая! С сердцем своим что сделаю. Покойник на что строг был, а все ж я как хотела, так и вертела, а тут не могу, кумушка. Как увижу его, так и сердце все сойдет. Нет у меня против него и смелости никакой. Хожу перед ним, как куренок мокрый. («Власть тьмы», д. 3, явл. III).

Самой колоритной в драме является ЯЛ Матрёны, речевой портрет которой складывается за счет пословиц, поговорок, присловий. Например: *Баба с печи летит, 77 дум передумает; Бедному жениться и ночь коротка; Бежишь от волка, напхаешься на ведмедя; Бог души не вынет, сама душа не выйдет; В чужих руках ломоть велик; Деньги всему голова; Земля-матушка никому не скажет, как корова языком слижет; Ищи на орле, на правом крыле; Маремьяна старица, по всем мире печальница, а дома не евши сидят* и др., некоторые из которых выполняют роль самохарактеристики [Ломакина 2006: 45]:

Матрена. Ну, новости сказала. А тетка Матрена и не знала. Эх, деушка, тетка Матрена терта, терта да перетерта. Тетка Матрена, я тебе скажу, ягодка, под землей-то на аршин видит. Всё знаю, ягодка! Знаю, зачем молодым бабам сонных порошков надоть. Принесла. (Развязывает узелок платка, достает в бумаге порошки.) Чего надо, то вижу, а чего не надо, того знать не знаю, ведать не ведаю. Так-то. Тоже и тетка Матрена молода была. Тоже с своим дураком, ведашь, умеючи прожить надо. Все 77 уверток знаю. <...> («Власть тьмы», д. 1, явл. X).

Экспрессивностью, эмоциональной окрашенностью отличаются самохарактеристики не только в драматургии, но и в эпических произведениях.

Фразеологические единицы в роли характеристики персонажа эпического произведения. В романе-эпопее «Война и мир» ФЕ *выводить / вывести на чистую воду* употребляется для самохарактеристики Денисова:

Ежели бы я был г'азбойник, я бы просил милости, а то я сужусь за то, что вывожу на чистую воду г'азбойников. Пускай судят, я никого не боюсь; я честно служил царю и отечеству, и не крал! («Война и мир», т. II, ч. 2, гл. XVIII)

Особый интерес вызывает характеристика, проговариваемая героем про себя, т.е. являющаяся частью внутренней речи:

*«Мясо, тело, **chair à canon!**» [пушечное мясо] – думал он, глядя и на свое голое тело, и вздрагивал не столько от холода, сколько от самому ему непонятого отвращения и ужаса при виде этого огромного количества тел, полоскавшихся в грязном пруде («Война и мир», т. III, ч. 2, гл. V); «Что же он думает, что я злодей или **старый дурак**, без причины отдалился от дочери и приблизил к себе французженку? Он не понимает, и потому надо объяснить ему, надо, чтоб он выслушал», – думал старый князь («Война и мир», т. III, ч. 1, гл. VIII).*

Наряду с самохарактеристикой, ФЕ используются как взаимохарактеристики конкретного персонажа:

*За обедом, за которым пили шампанское за здоровье нового георгиевского кавалера, Шиншин рассказывал городские новости о болезни старой грузинской княгини, о том, что Метивье исчез из Москвы, и о том, что к Расстонину привели какого-то немца и объявили ему, что это шампиньон (так рассказывал сам граф Расстонин), и как граф Расстонин велел шампиньона отпустить, сказав народу, что это не шампиньон, а просто **старый гриб** немец («Война и мир», т. III, ч. 1, гл. XX); — Я тебе говорю – вздор, ещё **молоко не обсохло**, а в военную службу хочет! Ну, ну, я тебе говорю, – и граф, взяв с собой бумаги, вероятно чтоб еще раз прочесть в кабинете перед отдыхом, пошел из комнаты («Война и мир», т. III, ч. 1, гл. XX).*

В двух примерах употреблены ФЕ, относящиеся к одной тематической группе 'возраст'. Если в первом случае характеризуется возраст эпизодического героя, то во втором – Пети Ростова.

В следующем контексте дается качественная оценка лица и носителю присваивается определенное качество. Так, ФЕ *дурья голова* употребляется, когда говорят о глупом, недалёком человеке:

*Матрена. Вот и поднялся мой-то, **дурья голова**: женить, говорит, да женить, грех покрыть («Власть тьмы», д. 1, явл. X).*

Интересно, что взаимохарактеристика может относиться не только к конкретному литературному образу, но и целому значимому для данного произведения сословию или социальной группе:

— *И что же, разве наши ополченцы составили пользу для государства? Никакой! только разорили наши хозяйства. Лучшие еще набор... а то вернется к вам ни солдат, ни мужик, и только один разврат. Дворяне не жалеют своего живота, мы сами поголовно пойдем, возьмем еще рекрут и всем нам только клич клички гусай (он так выговаривал государь), мы все умрем за него, — прибавил оратор, одушевляясь.* («Война и мир», т. III, ч. 1, гл. XXII);

— *Так-то и я сужу, Яков Алпатыч. Я говорю, приказ есть, что не пустят его, значит верно. Да и мужики по три рубля с подводы просят — креста на них нет!*
 — *Яков Алпатыч невнимательно слушал. Он потребовал самовар и сена лошадейм и, напившись чаю, лег спать* («Война и мир», т. III, ч. 2, гл. IV).

В первом примере дана положительная характеристика дворянства, во втором — отрицательная крестьянству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наши наблюдения над языком Л.Н. Толстого показали, что существует корреляция между функционально-стилистической принадлежностью текста и выбором фразеологических средств языка, поэтому одной из задач современной лингвистики является выявление особенностей функционирования фразеоресурсов как русского, так и иностранного языков в художественном тексте. Анализ авторской речи и речи персонажей в художественных произведениях Л.Н. Толстого показал, что фразеологические средства языка являются неотъемлемой чертой идиостиля писателя вне зависимости от формы речетворческих актов. В количественном отношении ФЕ преобладают в речи персонажей и несобственно-прямой речи, выступая как средство создания самохарактеристики персонажа. Фразеологизмы становятся элементом ЯЛ персонажа, позволяя сформировать структуру текста художественного произведения. Различные по генетической, стилистической характеристике ФЕ использованы в речи разных по происхождению героев, однако наиболее колоритные речевые портреты созданы писателем для представления героев из народа. Выбор жанра народной драмы объясняет яркость созданных речевых партий в пьесе «Власть тьмы», а также насыщенность текста фразеологией, поскольку в пьесах для народа Л.Н. Толстой употреблял наиболее популярные, заимствованные из народного языка фразеологические средства, благодаря чему язык пьесы становился максимально приближен к народному языку.

БИБЛИОГРАФИЯ

- КАРАУЛОВ, Ю.Н. (2010): *Русский язык и языковая личность*. Издательство ЛКИ, 2010. Москва.
- КУХАРЕНКО, В.А. (1988): *Интерпретация текста*. Просвещение. Москва
- ЛОМАКИНА, О.В. (2006): «Национальное в индивидуальном: пословицы и поговорки в художественных произведениях Л.Н. Толстого», *Cuadernos de Rusística Española*, 5, pp. 11-20.

- ЛОМАКИНА, О.В. (2016): *Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание*: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Санкт-Петербург.
- ЛОМАКИНА, О.В. (2006): *Фразеология народных драм Л.Н. Толстого: состав и особенности употребления*: Диссертация на соискание ученой степени доктора филол. наук. Белгород.
- ХИСАМОВА, Г.Г. (2013): «Функции диалога в художественном тексте», *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 6 (2), с. 245–247.
- ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ
- ТОЛСТОЙ, Л.Н. (1928-1958): *Полное собрание сочинений в 90 т.* Государственное издательство «Художественная литература». Москва.

BIBLIOGRAPHY

- KARAULOV, YU.N. (2010): *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'*. Izdatel'stvo LKI, 2010. Moskva.
- KHISAMOVA, G.G. (2013): «Funkcii dialoga v hudozhestvennom tekste», *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 6 (2), s. 245–247.
- KUKHARENKO, V.A. (1988): *Interpretaciya teksta*. Prosveshchenie. Moskva
- LOMAKINA, O.V. (2006): «Nacional'noe v individual'nom: posloviy i pogovorki v hudozhestvennyh proizvedeniyah L.N. Tolstogo», *Cuadernos de Rusística Española*, 5, rr. 11-20.
- LOMAKINA, O.V. (2015): *Frazeologiya v yazyke L.N. Tolstogo: lingvisticheskiy kommentarij i leksikograficheskoe opisaniye*: Dissertaciya na soiskaniye uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk. Sankt-Peterburg.
- LOMAKINA, O.V. (2006): *Frazeologiya narodnyh dram L.N. Tolstogo: sostav i osobennosti upotrebleniya*: Dissertaciya na soiskaniye uchenoj stepeni doktora filol. nauk. Belgorod.
- SOURCES USED
- TOLSTOJ, L.N. (1928-1958): *Polnoe sobranie sochinenij v 90 t.* Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Khudozhestvennaya literatura». Moskva.